

1

Мы переехали на Остров меньше чем за неделю до начала занятий. В моей комнате ещё пахло краской, когда я вернулся после первого школьного дня и, завалившись поперёк кровати, уставился в окно.

Дом стоял на холме. Таком высоком холме, что все его просто и называли — Холм. Хотя до побережья нужно было ехать на велосипеде минут пятнадцать, над верхушками сосен виднелось море. Казалось, оно уходило в бесконечную даль. Но что я мог знать про бесконечность? Я просто ощущал себя одиноким островом в безбрежном океане. Мне представлялось, что люди похожи на острова — у каждого внутри целый мир, но всё равно они одни.

А море, синее-синее и удивительно безмятежное, с тех пор я и не видел его таким, успокаивало меня. Может,

всё и не так плохо, думал я. В конце концов, на Острове живёт куча народа, значит, не такое это захолустье, вон и свой кинотеатр есть.

Сначала я ещё надеялся на школу. С одноклассниками подружиться проще, чем просто подойти на улице. И тогда не придётся целыми днями гулять одному. Но моя теория быстро пошатнулась. Никого особенно не интересовал новый мальчик. Да они вообще не понимали, как это — новенький. С Острова, бывало, кто-то уезжал, а вот приезжали редко. Ещё, бывало, старики, которые когда-то здесь жили, возвращались на родные берега. Но в школу-то они не приходили. Получалось так, что все друг друга знали чуть не с самого рождения. Кто-то с кем-то дружил, кто-то кого-то терпел. И меня никто не задирал даже. Разве только Ром.

Его все, включая директора, с которым ему приходилось частенько беседовать, звали Гром. Он был очень шумным. У него было трое братьев. Все старше него. Братья ловили рыбу. У них было два баркаса и своя лавка в Городе.

Так вот, поначалу Гром пытался немного надомной подшучивать. Но безобидно. Да и надоело ему это почти сразу. У него и без меня хватало развлечений. Рассказывали, он однажды увёл у братьев баркас, хотел махнуть в кругосветку. Понятно, его догнали и вернули. А потом он всё лето работал у них в лавке под неусыпным, что называется, контролем.

С одной стороны, я чувствовал себя достаточно спокойно. С другой стороны, я всё так же оставался один. Отчасти я сам был в этом виноват. Не такой я, чтобы со своей дружбой лезть к первому встречному. А они что? Жили без меня всю жизнь, так и дальше живут. Им-то чего менять? Отец бы сказал, что нужно не сидеть сложа руки, а придумать что-нибудь: позвать всех на пляж или змея пускать. Он был мастак на такие дела. Но его нет. А если бы он был, разве бы мы тут очутились?

На переменах все разбрелись по своим компаниям, а если ещё и день выдавался дождливым, то совсем тоска. Поэтому, когда учитель

географии, «сеньор Магеллан», спросил, не хочет ли кто-нибудь ему помочь разобрать карты, я сразу поднял руку. Кроме меня ещё поднял Эд, он был из тех, кого любят учителя, а одноклассники считают занудой. Учитель выбрал меня. Может, он хотел поддержать меня на новом месте, а может, он тоже считал Эда занудой.

На большой перемене я сидел в его кабинете рядом с библиотекой, разбирал карты и слушал рассказы про Остров.

«Ты, конечно, не знаешь, но то, что мы называем Островом, на самом деле два острова. Лет сто назад при сильном землетрясении они объединились в один.

Нет, ты можешь не бояться, с тех пор никаких землетрясений тут не случилось и больше не ожидается».

«На бывшем Северном острове лет двести назад была база пиратов, даже сохранились руины их форта. Историческое общество хотело сделать там музей, но из-за гор туда практически невозможно провести дорогу».

«А с Холма в хорошую погоду можно разглядеть старинный маяк. Он находится за много километров, но в ясный день виден характерный силуэт на горизонте».

«Ещё поговаривают, будто на Скалистом берегу не раз замечали загадочные вспышки, что-то наподобие свечения, которое моряки иногда наблюдают на концах мачт перед грозой».

Впрочем, с фольклором Острова у тебя ещё будет время познакомиться самостоятельно».

Учитель с таким воодушевлением рассказывал, что мне стало интересно, существует ли какая-то книга по истории Острова, которую можно было бы почитать. Сеньор Магеллан сказал, что в книжном есть целая полка с такими книгами. Раньше там располагался центр туризма, но за последние годы мало-помалу всё пришло в упадок.

После уроков, если было настроение, я отправлялся исследовать Остров, но ничего особенно интересного так и не обнаружил. Похожие друг на друга белые дома, рассыпанные вдоль узких улочек, в которых даже толком нельзя

заблудиться. Скалы на юге, горы на севере. Вдоль Острова тянулся песчаный пляж с перевернутыми лодками, большими валунами. Даже сейчас они ещё нагревались от солнца, на них можно было сидеть и слушать шёпот прибоя. Отец говорил, что тем, кто умеет слушать, море раскрывает свои тайны про затонувшие галеоны, чудесные острова, прекрасных русалок. Но теперь я разучился слушать, и сидеть просто так, смотря на море, стало скучно, поэтому я быстро возвращался домой и оставался до самого вечера в своей комнате, читая или глядя в окно.

Книг было много, я перевёз почти все, из-за этого даже пожертвовал своей коллекцией самолётов. Взял только один. Маленький, жёлтый, заляпанный клеем и без одного поплавка. Но я оставил его, потому что это был первый самолёт, который я собрал полностью сам. Отец тогда сказал, что скоро он мне совсем станет не нужен, но после этого мы собрали ещё целую эскадрилью. На Острове иногда я брал

самолётик в руки и водил им на фоне законного неба, вспоминая, какие мы придумывали приключения.

Только вот от воспоминаний мне делалось тоскливо. Кончилось тем, что я засунул самолётик в нижний ящик, где уже лежала зелёная тетрадка, которую мне выдала психолог из социальной службы. Она сказала, что купила её специально для меня в каком-то особенном магазине. Как будто бывают специальные магазины для психологов. Почему-то взрослые считали, что, если я стану записывать свои мысли, мне это поможет справиться. Но мне так не казалось, да и мыслей у меня никаких не появлялось. Тем более на такую толстенную тетрадь. На обложке у неё вился узор, что-то вроде пересекающихся бесконечностей — очень символично, ничего не скажешь.

После ужина, если не было дождя, я выезжал прокатиться на велосипеде, проветрить голову перед сном. Обогнув лес, оказывался на высоком берегу. Оттуда открывался красивый вид на порт

и на противоположный берег бухты. Я смотрел на нагромождение обломков скал, следов того самого землетрясения. И думал о том, что если уж горы, которые стояли тысячи лет, в один день превратились просто в груды камней, то что говорить о человеке.

Раз после школы я заехал на почту. Там, в отдельной комнате, висели старые фотографии Острова, как в музее. На одной из них я нашёл нашу школу, из неё выходили ученики в забавной старомодной форме и фуражках, с портфелями в руках или ранцами за спиной. А фотографий другого берега не оказалось. Может, просто никому в голову не приходило его фотографировать? Кто мог знать, что так всё выйдет...

От моих шагов половицы тихонько поскрипывали, и на звук заглянул почтовый работник, поинтересовался, чего это я тут хожу — наверно, мне задали доклад в школе? И очень удивился, когда я сказал, что интересуюсь для себя.

— Это хорошо. А то сейчас никто не занимается историей Острова, а ему есть что рассказать.

Да уж, подумал я, ещё пара недель такого тоскливого одиночества, и всё, что мне останется, — это заняться историей. И так бы, наверно, и случилось, но через две недели жизнь на Острове уже затягивала меня, как зыбучие пески, — появился второй новенький.